

ОСОБЕННОСТИ МАРКИРОВАНИЯ ИРРЕАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ПРУСТА «ОБРЕТЕННОЕ ВРЕМЯ»

Е. С. Попова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 апреля 2009 г.

Аннотация: в статье перечислены и проанализированы способы маркирования категории ирреального в произведении М. Пруста «Обретенное время»; приведена детальная классификация маркеров ирреальности и описаны предпочтения писателя в выборе средств маркирования.

Ключевые слова: ирреальность, классификация, маркеры, М. Пруст, французский язык, функциональная нагрузка.

Abstract: the author of the article enumerates and analyses the modes of expression of unreality marking in M. Proust's literary work "Time regained"; the article presents a detailed classification of unreality markers and the writer's preferences in the choice of marking means as well.

Key words: unreality, classification, markers, M. Proust, French language, functional yield.

Категория ирреального во французском языке выражается с различной интенсивностью, а также различными способами в зависимости от типа текста. Нетрудно понять, что именно художественные тексты предоставляют нам наиболее широкую палитру маркеров как в количественном, так и в качественном отношении: частотность маркирования высока; маркируется все — от незначительных полутонов повествования, когда соотношение высказывания с действительностью буквально «балансирует» на грани реального и ирреального, до явного «столкновения» с ирреальным.

Одним из интереснейших примеров сочетания разнообразных способов маркирования категории ирреального является произведение М. Пруста «Обретенное время» (1927) — одна из семи частей его «романа-реки» «В поисках утраченного времени». Вот что пишет Л. Г. Андреев, объясняя специфику романа: «Роман регистрирует безостановочное движение материи, ни одно из мгновений которого не может быть названо истиной, — все относительно, включая любовь, «чисто внутреннее переживание, которому не соответствует внешнее явление», включая искусство, «плод молчания», «имматериальная» субстанция которого возникает в “лучшие из минут нашей жизни, когда мы вне реальности и вне настоящего времени”» [1, с. 117].

При анализе произведения было выявлено 365 случаев маркирования ирреальности. В соответствии с уровневый критерием, предложенным А. А. Кротовым [2], маркеры ирреальности в данном произведении можно в целом разделить на три группы: лекси-

ческие маркеры (248 случаев, 68 %), грамматические (65 случаев, 18 %) и маркеры уровня текста (жанровые) (52 случая, 14 %).

Рассмотрим более подробно каждую из этих групп. Наиболее ярко как в количественном, так и в качественном плане представлена группа лексических маркеров. Сгруппируем их по семантике с учетом частеречной принадлежности. Получим следующие подгруппы:

1. «Мечты — воображение — сон»:

а) глаголы: *sembler, rêver, paraître, imaginer, s'imaginer, se représenter (= s'imaginer), se réveiller, croire, se croire, se figurer, inventer, se forger (= inventer à sa fantaisie), ne pas exister, ne correspondre à aucune réalité, retirer de la réalité, avoir l'air;*

б) существительные: *rêve, songe, féerie, imagination, illusion, trompe-l'oeil, irréalité, chimère, rêverie, étourdissement, réminiscence;*

в) прилагательные и причастия в функции прилагательных: *irréel, imaginaire, chimérique, inexistant, ineffable, illusoire, invraisemblable, dont on n'a pas idée (=inimaginable), fictif, inventé, rêvé.*

Проиллюстрируем данную подгруппу примером:

Pour peu qu'on y mît un peu d'imagination le ramage ne se prêtait pas moins à cette interprétation que le plumage [3].

2. «Галлюцинации — видения — сумасшествие»:

а) глаголы: *halluciner, hanter;*

б) существительные: *hallucination, vision (pl), vision, apparition (sans consistance), mirage, être invisible, fou, folie, aliéné, fantôme;*

в) прилагательные: *absurde.*

Рассмотрим этот тип маркирования на следующем примере:

... — *car c'étaient de vieilles tentures où chaque rose était assez séparée pour qu'on eût pu si elle avait été vivante, la cueillir, chaque oiseau le mettre en cage et l'apprivoiser, sans rien de ces grandes décorations des chambres d'aujourd'hui où sur un fond d'argent, tous les pommiers de Normandie sont venus se profiler en style japonais, pour halluciner les heures que vous passez au lit ...* [3].

3. «Удивление — странность»:

а) глаголы: *frapper*;

б) существительные: *mystificateur*;

в) прилагательные и причастия в функции прилагательных: *exotique, incompréhensible, surnaturel, extraordinaire, bouleversant, étrange, surprenant, stupéfait*.

Данную подгруппу маркеров демонстрирует следующий пример:

Quelque chose pourtant me frappa qui n'était pas sa figure que je ne voyais pas, ni son uniforme dissimulé dans une grande houppelande, mais la disproportion extraordinaire entre le nombre de points différents par où passa son corps et le petit nombre de secondes pendant lesquelles cette sortie, qui avait l'air de la sortie tentée par un assiégé, s'exécuta [3].

4. «Чудо — волшебство»:

а) глаголы: *fasciner*;

б) существительные: *charme, transformation, enchantement, miracle, merveille, mystère, impossible (невозможность), impossibilité*;

в) прилагательные и причастия в функции прилагательных: *prodigieux, impossible, merveilleux, mystérieux, magique, fantastique, incantateur, fabuleux, transformé, miraculeux*;

г) наречия: *à merveille, miraculeusement*.

Продемонстрируем вышесказанное на примере:

Par une sorte de transformation magique, tout ennuyeux qui était venu lui faire une visite et avait sollicité une invitation devenait subitement quelqu'un d'agréable, d'intelligent [3].

5. «Сказка — названия сказочных (мифических) персонажей и сказочных (мифических) объектов»:

а) существительные (аппелятивы и онимы): *Simbad le Marin, Petit Poucet, Mille et une Nuits, Sésame, sorcier, fée, génie, ondine, monstre, géant, divinité, Dieu, Dieu du mal, Dieu nautique, néréide; légende, conte, symbole, pandemonium, mythologie*;

б) прилагательные: *divin, géant, (être) monstrieux*.

Приведем следующий пример в качестве иллюстрации:

Au temps où je croyais, même si je savais le contraire, que les Guermantes habitaient tel palais en vertu d'un droit héréditaire, pénétrer dans le palais du sorcier ou

de la fée, faire s'ouvrir devant moi les portes qui ne cèdent pas tant qu'on n'a pas prononcé la formule magique, me semblait aussi malaisé que d'obtenir un entretien du sorcier ou de la fée eux-mêmes [3].

6. «Подмена реальности»:

а) глаголы: *fausser l'aspect réel, faire croire, prendre pour qn/ qch*;

б) существительные: *simulation*.

Эта подгруппа во многом выделена условно в рамках данной группы. Примеры с этими маркерами можно было бы отнести и к третьей группе (маркирование при помощи жанра), но лексический «компонент» маркирования в них присутствует в достаточной степени, что и позволило причислить их к первой группе — группе лексических маркеров.

Вот один из немногочисленных примеров данной подгруппы:

Chez certains le changement avait été opéré par de tardifs scrupules religieux, par l'émotion éprouvée quand avaient éclaté certains scandales, ou la crainte de maladies inexistantes auxquelles les avaient, en toute sincérité, fait croire des parents... [4]. (Усилено лексическим маркером «несуществующие».)

Для того чтобы понять, в каком соотношении находятся лексические средства маркирования ирреальности в данном произведении, необходимо вычислить частотность их употребления в тексте или показатели функциональной нагрузки на маркеры данного типа. Общая длина текста — 140 953 слова. Поскольку многие из маркеров встречаются в произведении лишь один раз, то показатели частотности их употребления пренебрежимо малы. Именно поэтому представляется более целесообразным вычислить частотность употребления каждой из семантических подгрупп, выделенных выше в первой группе маркеров.

Маркеры первой подгруппы встречаются в произведении 123 раза (глаголы — 58 раз и составляют 47 % маркеров данной подгруппы, существительные — 49 раз и составляют 40 % маркеров, прилагательные — 16 раз и составляют 13 % маркеров соответственно). В целом маркеры первой подгруппы составляют приблизительно 49 % от общего количества лексических маркеров и 34 % от общего количества маркеров ирреальности в тексте. Это показатели конкретной функциональной нагрузки на эти маркеры. Вычислим теперь совокупную частотность их употребления в тексте или абстрактную функциональную нагрузку на них: $123/140953 \approx 0,0009$ или 0,9 ‰ соответственно.

Маркеры второй подгруппы встречаются в произведении всего 20 раз (глаголы — 2 раза и составляют 10 % маркеров данной подгруппы, существительные — 17 раз и составляют 85 % маркеров, прилагательные — 1 раз и составляют 5 % маркеров

соответственно). Конкретная функциональная нагрузка на них такова: они составляют примерно 8 % от общего числа лексических маркеров и около 5 % от общего числа маркеров ирреальности в тексте соответственно. Абстрактная функциональная нагрузка на эти маркеры вычисляется следующим образом: $20/140953 \approx 0,0001$ или 0,1 % соответственно.

Маркеры третьей подгруппы встречаются в произведении еще реже — 14 раз (глаголы — 2 раза и составляют 14 % от числа маркеров данной подгруппы, существительные — 1 раз и составляют 7 % маркеров, прилагательные — 11 раз и составляют 79 % маркеров соответственно). На их долю приходится около 6 % от общего числа лексических маркеров и приблизительно 4 % от общего числа маркеров ирреальности в тексте. Произведем вычисление абстрактной функциональной нагрузки на них: $14/140953 \approx 0,0001$ или 0,1 % соответственно.

Что касается маркеров четвертой подгруппы, то они более многочисленны и встречаются в произведении 49 раз (глаголы — 1 раз и составляют 2 % от общего числа маркеров данной подгруппы, существительные — 20 раз и составляют 41 % маркеров, прилагательные — 26 раз и составляют 53 %, наречия встречаются 2 раза и составляют 4 % от общего числа маркеров четвертой подгруппы). Эти маркеры составляют примерно 20 % лексических маркеров и примерно 13 % от общего числа маркеров ирреальности в произведении, что и отражает их конкретную функциональную нагрузку. Рассчитаем абстрактную функциональную нагрузку на них в тексте произведения: $49/140953 \approx 0,0004$ или 0,4 % соответственно.

Маркеры пятой подгруппы представлены в произведении 35 случаями употребления (существительные встречаются 32 раза и составляют 91 % от общего числа маркеров этой подгруппы, прилагательные — 3 раза и составляют 9 % маркеров соответственно). Они представляют около 14 % от общего числа лексических маркеров и примерно 10 % от общего числа маркеров ирреальности в тексте. Вычисление абстрактной функциональной нагрузки на них в тексте выглядит так: $35/140953 \approx 0,0003$ или 0,3% соответственно.

Маркеры шестой подгруппы представлены наименьшим количеством примеров: они встречаются всего 7 раз на протяжении текста произведения (глаголы встречаются 6 раз и составляют 86 % маркеров данной подгруппы, существительные — 1 раз и составляют 14 % маркеров соответственно). Они репрезентируют приблизительно 3 % от числа лексических маркеров и примерно 2 % от общего числа маркеров ирреальности в произведении. Произведем расчет абстрактной функциональной нагрузки на этот подтип маркеров: $7/140953 \approx 0,00005$ или 0,05 % соответственно.

Интересно также посмотреть среднюю абстрактную функциональную нагрузку на лексические маркеры в тексте. Поскольку в целом лексическое маркирование было зафиксировано в 248 случаях, расчет средней абстрактной функциональной нагрузки на них выглядит следующим образом: $248/140953 \approx 0,002$ или 2 % соответственно.

Грамматические маркеры ирреальности представлены в данном тексте формами кондиционала (формы настоящего времени кондиционала в значении прошедшего времени, первая и вторая форма кондиционала прошедшего времени) и модальными словами, вводящими придаточные предложения (*comme, comme si*).

Проиллюстрируем употребление форм кондиционала настоящего времени в значении кондиционала прошедшего времени:

... *c'était des rivages de la mort vers lesquels ils allaient retourner qu'ils venaient un instant parmi nous, incompréhensibles pour nous, nous remplissant de tendresse, d'effroi, et d'un sentiment de mystère, comme ces morts que nous évoquons, qui nous apparaissent une seconde, que nous n'osons pas interroger et qui du reste pourraient tout au plus nous répondre: «Vous ne pourriez pas vous figurer.»* [3]. (Форма **pourraient** явно употреблена здесь в значении кондиционала прошедшего времени, поскольку речь идет об умерших).

Данный тип маркирования встречается в 5 случаях из 65 случаев грамматического маркирования, что составляет примерно 8 % от общего количества грамматических маркеров и приблизительно 1 % от общего количества маркеров ирреальности в тексте. Такова конкретная функциональная нагрузка на этот подтип грамматических маркеров. Абстрактную функциональную нагрузку на них в тексте вычисляем следующим образом: $5/140953 \approx 0,00004$ или 0,04 % соответственно.

Посмотрим, каким образом осуществляется грамматическое маркирование ирреальности при помощи первой формы кондиционала прошедшего времени:

... *l'illusion de la possibilité d'une affection plus grande dont les circonstances seules nous auraient frustré* [3].

Подобное маркирование встречается в тексте 15 раз, что представляет собой приблизительно 23 % от общего количества грамматических маркеров и примерно 4 % от общего числа маркеров ирреальности в произведении. Произведем расчет абстрактной функциональной нагрузки на маркеры данного подтипа в тексте: $15/140953 \approx 0,0001$ или 0,1 %.

Из всех подтипов грамматического маркирования ирреальности в данном тексте наиболее распространено маркирование при помощи второй формы кондиционала прошедшего времени. Возможно, это объясняется тем, что *plus-que-parfait du subjonctif*,

идентичный по форме данному типу кондиционала, употребляется автором наравне с последним в похожих по смыслу контекстах. Покажем это на следующем примере:

De la même manière, par acquit de conscience, je me signalais à moi-même comme à quelqu'un qui m'eût accompagné et qui eût été capable d'en tirer plus de plaisir que moi les reflets du feu dans les vitres, et la transparence rose de la maison. [3]. (В данном случае употреблена вторая форма кондиционала прошедшего времени.)

... — *car c'étaient de vieilles tentures où chaque rose était assez séparée pour qu'on eût pu si elle avait été vivante, la cueillir; chaque oiseau le mettre en cage et l'apprivoiser; sans rien de ces grandes décorations des chambres d'aujourd'hui où sur un fond d'argent, tous les pommiers de Normandie sont venus se profiler en style japonais, pour halluciner les heures que vous passez au lit ...* [3].

В данном случае le plus-que-parfait du subjonctif (плюсквамперфект сослагательного наклонения), который, в свою очередь, вводится типичным для subjonctif образом (союзом «roug que»), выступает по смыслу в функции 2-й формы кондиционала прошедшего времени, что доказывает наличие придаточного предложения с «si» и, соответственно, глагола в plus-que-parfait в придаточном с «si», что представляет собой типичные условия употребления форм кондиционала прошедшего времени. Е. К. Никольская, Т. Я. Гольденберг в работе «Grammaire française» («Грамматика французского языка») рассматривают 2-ю форму кондиционала прошедшего времени и форму le plus-que-parfait du subjonctif как идентичные, в том числе и по функциям [5].

Этот вид маркирования представлен в произведении 27 случаями употребления, что составляет около 42 % от общего количества грамматических маркеров и примерно 8 % от общего числа маркеров ирреальности в тексте. Вычислим абстрактную функциональную нагрузку на маркеры этого подтипа в тексте: $27/140953 \approx 0,0002$ или 0,2 %.

Помимо выше перечисленных подтипов маркирования ирреальности при помощи наклонения в данном тексте встречаются случаи маркирования ирреальности при помощи модальных слов.

Вот как выглядит пример маркирования ирреальности с помощью модального слова comme:

Mais au printemps au contraire, parfois de temps à autre, bravant les règlements de la police, un hôtel particulier; ou seulement un étage d'un hôtel, ou même seulement une chambre d'un étage, n'ayant pas fermé ses volets apparaissait, ayant l'air de se soutenir toute seule sur d'impalpables ténèbres, comme une projection purement lumineuse, comme une apparition sans consistance. Et la femme qu'en levant les yeux bien haut,

on distinguait dans cette pénombre dorée, prenait dans cette nuit où l'on était perdu et où elle-même semblait recluse, le charme mystérieux et voilé d'une vision d'Orient [3].

Этот подтип маркирования встретился в тексте 11 раз, что представляет собой приблизительно 17 % от общего числа грамматических маркеров и около 3 % от общего количества маркеров ирреальности в тексте. Рассчитывая абстрактную функциональную нагрузку на маркеры данного подтипа в тексте, получаем: $11/140953 \approx 0,00008$ или 0,08 %.

Рассмотрим пример маркирования ирреальности на уровне грамматики при помощи модального слова comme si:

... puis faisait demander s'il pouvait entrer chez elle et là, moitié tristesse réelle, moitié énervement de cette vie, moitié simulation chaque jour plus audacieuse, sanglotait, s'inondait d'eau froide, parlait de sa mort prochaine, quelquefois s'abattait sur le parquet comme s'il se fût trouvé mal [3].

Случаи такого маркирования встречаются в тексте 7 раз, что составляет примерно 10 % от общего количества грамматических маркеров и, соответственно, около 2 % от всей суммы маркеров ирреальности в тексте. При вычислении абстрактной функциональной нагрузки на них в тексте получим: $7/140953 \approx 0,00005$ или 0,05 % соответственно.

Итак, грамматическое маркирование было зафиксировано в 65 случаях, расчет средней абстрактной функциональной нагрузки на маркеры данного типа выглядит следующим образом: $65/140953 \approx 0,0005$ или 0,5 % соответственно.

Маркирование при помощи жанра также представлено в данном художественном тексте. Количество случаев этого типа маркирования равно 52. Проиллюстрируем этот тип маркирования примером:

... de voir revenir auprès de Bagdad ce nom de Bassorah dont il est tant question dans les Mille et une Nuits et que gagne chaque fois après avoir quitté Bagdad ou avant d'y rentrer; pour s'embarquer ou débarquer; bien avant le général Townsend aux temps des Khalifes, Simbad le Marin [3].

В данном контексте название сборника сказок «Тысяча и одна ночь» можно отнести к жанровым маркерам; само маркирование в этом случае имплицитно, поскольку только определенное знание, а именно соотнесение данного названия с жанром сказки (название «Les Mille et une Nuits» — «Тысяча и одна ночь» выступает гипонимом «conte» — «сказка»), позволяет читателю отнести это словосочетание, пусть и косвенно, к сфере ирреальности.

Средняя конкретная функциональная нагрузка на маркеры этого типа составляет 14 %, как было отмечено вначале. Рассчитаем среднюю абстрактную

функциональную нагрузку на маркеры данного типа: $52/140953 \approx 0,0004$ или 0,4 % соответственно.

Наконец, интересно также выяснить среднюю абстрактную функциональную нагрузку на маркеры ирреальности в произведении. Поскольку было зафиксировано 365 случаев маркирования ирреальности в рамках текста, получим следующий результат: $365/140953 \approx 0,003$ или 3 % соответственно.

Итак, в результате проведенного выше анализа произведения М. Пруста «Обретенное время» можно заключить, что категория ирреального представлена в нем тремя группами маркеров, из которых наиболее распространенными в количественном отношении являются лексические маркеры. Кроме того, именно лексический тип маркирования наиболее интересен в качественном отношении, поскольку он представляет наиболее широкий спектр средств маркирования категории ирреального.

Следует также отметить значительный процент грамматических маркеров ирреальности. Они тоже представлены полно, можно сказать, что все типы грамматического маркирования ирреальности задействованы в данном тексте. Впрочем, как правило,

данный тип маркирования сочетается с еще одним или двумя другими типами маркирования одновременно. Именно такие сочетания создают своего рода «многослойность» категории ирреального в произведении, что, в свою очередь, делает стиль М. Пруста поистине неповторимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарубежная литература XX века: учеб. для вузов. — 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Л. Г. Андреева. — М. : Высшая школа, 2003.
2. Борискина О. О. Теория языковой категоризации : национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2003. — 211 с.
3. Proust M. Le temps retrouvé / M. Proust. URL: <http://www.honorechampion.com>. 07.01.2002
4. Proust M. Le temps retrouvé / M. Proust. — Paris : Gallimard, 1991. — 447 p.
5. Nikolskaia E. K. Grammaire française / E. K. Nikolskaia, T. Y. Goldenberg. — 4-е изд., испр. — М. : Высшая школа, 1982. — 367 с.

*Воронежский государственный университет
Попова Е. С., аспирант кафедры романской
филологии
E-mail: mylenka84@mail.ru
Тел.: (4732) 53-22-38*

*Voronezh State University
Popova E. S., Postgraduate Student of the Romance
Philology Department
E-mail: mylenka84@mail.ru
Tel.: (4732) 53-22-38*